

Любовное настроение

Евгений Гришковец показал Москве свою «Планету»

Когда после двухлетнего перерыва Гришковец вышел на сцену в своих новых моноспектаклях, стало заметно, как он изменился. В столице его провинциальный персонаж – смесь хофмановского человека дождя с постсоветским интеллигентом-недотепой – приделал и постройнел (обретя славу, Гришковец, говорят, потерял 13 кг веса).

А вот режиссер Гришковец по-прежнему крепко держится за амплу дилетанта, «человека ниоткуда», который, опережая критиков, спешит назвать свои сценические находки пошлыми и сентиментальными. Драматург же Гришковец по-прежнему умеет взглянуть на мир глазами того ребенка, который в обществе тупых, фальшивых взрослых может заявить, что король голый. Потому его тексты всегда изобилуют «детскими» изречениями типа: «самое важное чувство – чувство противоречия», «что-то стыдное вспоминаешь – хочется лечь и занять как можно меньше места», «хорошо, что я умер – из меня мог бы вырасти плохой человек», «хор мальчиков – почти пингвины в своих черных костюмчиках»; а спектакли насыщены метафорами, известными каждому дошкольнику: бумажные кораблики, плавающие в тазу, мотылек, трепещущий на конце длинной лозы, игрушечные самолеты, летающие под потолком...

Говоря попросту, Гришковец апеллирует к тому ребенку, который сидит внутри каждого взрослого. (Это касается не только зрителей, но и актеров, с которыми он работает как режиссер.) Травестирование любого сюжета позволяет Гришковцу реабилитировать в глазах зрителя самые невыигрышные темы: спектакль «Как я съел собаку» был посвящен службе в армии,

«Дредноуты» – история морских сражений времен Первой мировой. Эти многословные, косноязычные рассказы спасает безупречная внутренняя драматургия (Гришковец – профессиональный филолог), живой, «непрофессиональный» нерв рассказчика и его обезоруживающая откровенность: «Я прочитал все эти факты, и мне с ними надо как-то жить...» Эффект у этих рассказов – психотерапевтический. В «Дредноутах» Гришковец излечил нас, перекормленных советскими фильмами, от стыда перед фразой «Умираю, но не сдаюсь» так же легко, как в другом спектакле избавил от запредельного ужаса перед рассказами Эдгара По, наполнив их мягким, сострадательным юмором.

Свою постановку в Новом Рижском театре он назвал «по По». Развесил над сценой колокольчики, среди которых бродит огромного роста актер – персонаж рассказов По. Прирожденный убийца жалуется, что терпеть не может звука колокольчика, просто звереет. И вот уже зрители трепещут не от кошмарных сюжетов, а от сопереживания этому верзиле: а ну как заденет колокольчик...

Но Гришковец милосерден – колокольчики оказываются без язычков. (Когда в финале он дергает их все по очереди, а они молчат, в зале начинают плакать.)

После «Дредноутов» и «по По», показанных на недавнем фестивале «NET», впору было заговорить о еще робком, но тончайшем режиссерском вкусе и стиле. Гришковца хотелось называть не новым сентименталистом или новым романтиком, как определяет себя он сам, а гуманистом, сполна наследующим все традиции великих русских писателей.

И тут вдруг, на пресс-конференции перед спектаклем «Плане-

та», Гришковец, расставшись с маской добродушно-заискивающего дилетанта, сердито глядя на журналистов и морщась от их вопросов, заявил, что нынче находится под впечатлением фильма «Любовное настроение»; что хоть он и не собирается менять свою излюбленную интонацию, все же его персонаж повзрослел и устал настолько, что придумал спектакль о любви и одиночестве, сыграть который решил в паре с одной из самых красивых молодых актрис – Анной Дубровской.

Но безболезненно повзрослеть Гришковцу не удалось. Во взрослом спектакле изречения в стиле «А король-то голый» смотрятся не-

лепой инфантильностью, когда же Гришковец пытается переходить на несвойственный ему язык взрослых, возникают избитые афоризмы типа: «Любовь в этом городе похожа на короткие штыковые атаки».

Название и тема его спектакля переключается с «Планетой людей» Экзюпери: любовь и одиночество в огромном городе на огромной планете. Здесь есть красивая и явно не одинокая женщина, за которой открыто подсматривает герой, а вместе с ним и зрители. Есть желтая люстра, клетчатый плед и тюлевые занавески (художник Лариса Ломакина) – чтобы вид чужого уютно оттенял одиночество героя, а заод-

но и сидящих в зале. Есть ее забавная болтовня по телефону и его трогательные сетования: «Меня нет в жизни этой женщины». Есть немецкое слово «Das Liebe», которое, по версии Гришковца, невозможно произнести по-русски. Но нет Любви.

Чтобы говорить на театре «про это», надо обладать либо невероятным эксгибиционизмом, либо большим актерским профессионализмом. Первое противоречит природе Гришковца, любящего полуслова и тени, избегающего локальных красок и откровенных определений. Второго он пока не достиг. Оттого все, что он делает в «Планете», носит оттенок неис-

кренности. И вот уже разваливается громоздкая словесная конструкция, и ненужными становятся прелестные сценические находки, и Гришковец кажется бесконечно повторяющим самого себя.

Впрочем, в «Планете» есть момент подлинной тоски по несбытому. Об утерянном счастье думаешь, слушая поэтический монолог Дубровской (Гришковец попросил, чтобы актриса придумала свой текст сама), вместо love story внезапно ушедшей в детские воспоминания: оказывается, в 8 лет девочка мечтает о свадебных платьях. Они собираются вместе и рассказывают друг перед другом, нарядившись в тюлевые занавески. А вот когда вырастают и дело доходит до настоящей свадьбы, то платья уже не нужно – у невесты хватает проблем и без него...

Спектакли Евгения Гришковца обычно появляются парами – во втором он досказывает то, что недооформилось, не поместилось в первом. Поэтому спектакль «Как я съел собаку» был намного интереснее, чем «ОднорЕМЕнно», вышедший позднее.

За последний месяц Гришковец показал Москве не две, а целых три постановки. Третьей стала «Планета», из которой ее создатель, по собственному признанию, изысканно замечательный рассказ про хор мальчиков, поющих про любовь и одиночество – про все то, чего эти мальчики знать не могут, а вот когда вырастут и узнают, уже не смогут петь, – и перенес в «Дредноуты», премьеры которых состоялись раньше. Может быть, он попросту обокрал «Планету»?..

Ну и ничего страшного. Таланта у Гришковца от этого не убавилось. Просто «Das Liebe» он пока еще не выговаривает.

Алла ШЕНДЕРОВА

Сцена из спектакля

ИТАР-ТАСС